
Владимир ЧИСНИКОВ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ПО СВЕДЕНИЯМ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ (1861—1896)

ЧАСТЬ 1. ГРАФ ТОЛСТОЙ «ПОД КОЛПАКОМ» РОССИЙСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

I. [Вступление]

В рукописном отделе Государственной Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранится малоизвестный документ Департамента полиции, озаглавленный «СВЕДЕНИЯ О ГРАФЕ ТОЛСТОМ ЛИЧНО, НАХОДЯЩИЕСЯ В ДЕЛАХ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ» от 28 июля 1896 года, подписанный и. д. директора Департамента полиции С. Э. Зволянским. Документ напечатан на 71 странице (с обеих сторон) и до настоящего времени не публиковался (РО ГНБ. Ф. 783. № 17, л. л. 1—71).

Тематически «Сведения...» следует разделить на четыре раздела: I. Вступление. II. Сочинения графа Толстого. III. Последователи Толстого. IV. Обыски у толстовцев.

Надеемся, что публикация этого жандармского документа заинтересует не только читателей «Невы», но и будет полезным источником тем, кто исследует жизнь и творчество великого русского писателя и мыслителя.

Начинается документ словами:

Граф Лев Николаевич Толстой впервые обращает на себя внимание органов государственной полиции еще в начале шестидесятых годов. Так, на исходе 1861 года получены были сведения, что в имении графа «Ясная Поляна», где проживал в то время и гр. Толстой, живет в качестве учителя бывший студент Московского университета, Алексей Павлов Соколов, находившийся под следствием за распространение возмутительных сочинений, который, будто бы, занимается чтением подобного рода произведений в народной школе. Учрежденным наблюдением было, однако, установлено, что, хотя в названном имении действительно было устроено несколько школ, при коих в качестве учителей состояло 7 человек студентов, — в том числе и Соколов, — но указание на чтение последним в школе возмутительных воззваний не подтвердилось.

В 1862 году получены были указания, что в открытых гр. Толстым в «Ясной Поляне» школах занимаются преподаванием, без ведома местного начальства, студенты, оставившие университет; что в определенные дни они собираются у Толстого, и что в одно из имений последнего, будто бы, доставлен типографский камень для напеча-

Владимир Николаевич Чисников родился в 1948 году, доктор юридических наук (2018), доцент (1996), главный научный сотрудник ГНИИ МВД Украины (Киев).

тания воззвания по поводу тысячелетия России. Указания эти признано было необходимым проверить путем обыска, который и произведен был в «Ясной Поляне», в отсутствие гр. Толстого, у его домашних и проживавших в имении лиц. Обыск не дал каких-либо положительных результатов; исследованием же было установлено, что из девяти проживавших студентов у графа, — отчасти без установленных письменных видов, — молодых людей, некоторые занимались преподаванием в школах, остальные сотрудничали в издававшемся Толстым с 1861 года, с разрешения правительства, журнале «Ясная Поляна», один же, — фон-Болль, — управлял имением. У сего последнего найдено было несколько выписок из противоправительственного журнала «Колокол», по объяснению фон-Болля, оставленных у него умершим товарищем.

По поводу этого обыска гр. Толстой в августе того же года обратился на В Ы С О Ч А Й-Ш Е Е Имя с всеподданнейшим письмом, в котором жаловался на причиненное ему и домашним его беспокойство и высказывал сомнение, чтобы «по В Ы С О Ч А Й Ш Е Й воле, безвинные были наказываемы, и чтобы правые постоянно жили под страхом оскорбления и наказания». Указывая далее, что производивший обыск офицер Корпуса Жандармов, по его словам, действовал будто бы, по В Ы С О Ч А Й Ш Е М У повелению, гр. Толстой писал, что просит «только о том, чтобы с Имени В А Ш Е Г О В Е Л И Ч Е С Т В А была снята возможность укоризны в несправедливости, и чтобы были, ежели не наказаны, то обличены виновные в злоупотреблении этого Имени».

В Бозе почивающему И М П Е Р А Т О Р У А Л Е К С А Н Д Р У II было благоугодно повелеть, чтобы производство обыска в «Ясной Поляне» не имело собственно для гр. Толстого никаких последствий.

В начале 80-х годов гр. Толстой познакомился и затем близко сошелся с проживавшим в дер. Шевелине Новоторжского уезда крестьянином Василием Сютаевым, основавшим в конце 70-х годов в Новоторжском уезде секту, вероучение которой отрицало Св. Таинства, церковные обряды, посты и внешние знаки поклонения Богу, отчасти же носило и противоправительственный характер, отвергая повиновение властям и признавая, «что Царь такое же лицо, как и все, и что повинностей платить не следует, так как каждый должен заботиться о себе не по закону, а по духу». По полученным указаниям, Сютаев, кроме того, укрывал у себя двух лиц, избличенных в противоправительственной пропаганде, и получал революционные издания. Близость гр. Толстого с Сютаевым, у которого он даже прогостил несколько дней в дер. Шевелине, а равно установленное знакомство графа с Александром и Анной Армфельд, избличенными в хранении революционных изданий, в связи с появившемся в то время сочинением Толстого «Так что же нам делать», в котором уже ясно высказаны были проводимые им вредные идеи, послужили в 1882 году основанием к учреждению за ним, по распоряжению бывшего Московского генерал-губернатора, негласного надзора полиции, прекращенного, однако, в 1886 году.

В декабре 1884 года в Министерстве Внутренних Дел было получено от Московского генерал-губернатора указание на то, что гр. Толстой состоит членом закрытого по В Ы С О Ч А Й Ш Е М У повелению «Общества поощрения духовно-нравственного чтения» и принадлежит к числу лиц, сочувствующих Пашковскому лжеучению.

В 1887 году в журнале «Церковный Вестник», в № 27, помещена была статья «Граф Л. Н. Толстой и княгиня В. Ф. Гагарина». Автор статьи высказывал, что графиня Гагарина распространяет в Тульской губернии известное учение Пашкова, граф же Толстой, проживая в той же губернии, уже несколько лет стремится пропагандировать среди местного населения свое особое вероучение, причем действует как путем примеров своей практической жизни, так и распространением своих сочинений. Главным образом, гр. Толстой пропагандирует среди своих бывших крепостных сельца «Ясной Поляны», с которыми состоит в самых близких отношениях, и вместе со своими детьми, в крестьянских костюмах, ходит на полевые работы в помощь бедным, помогая

последним деньгами и личным трудом и не преследуя крестьян за преступления против его собственности. Крестьяне всех окрестных деревень всегда имеют к нему доступ и в тяжбах их с помещиками, при разверстании наделов, находят поддержку со стороны графа, который, благодаря связям и общественному положению, выигрывает для крестьян даже неправые дела. Пропаганда ведется Толстым не лично, но через посредство принявшего православие еврея Фейнермана. Библиотека графа всегда открыта для желающих, и его брошюры и издания фирмы «Посредник» прежде распространялись в большом количестве в окрестных школах, благодаря содействию уже умершего соседнего помещика Бибикова.

В 1886 году Толстой посылал двух книгонош в Крапивенский уезд для продажи своих сочинений, но эта попытка, однако, не удалась. Автор статьи говорит далее, что хотя вредное влияние идеи гр. Толстого отражается пока лишь на яснополянских крестьянах, причем даже многие из последних только из личных выгод прикидываются последователями этого учения, но при всем том, на долю местного духовенства выпадает обязанность ныне же бороться с этим учением, обязанность тем более трудная, что Толстой, считая вообще лиц духовных неразвитыми и обманщиками, избегает всякого с ними общения.

В виду означенных указаний был запрошен начальник Тульского Губернского жандармского управления, по сообщенным коим сведениям, гр. Толстой, «стремясь как писатель к ознакомлению с бытом крестьян», действительно вращается в среде крестьян, и, ради своего толкования «о любви к ближнему», сам обрабатывает землю бедных и посещает волостные и мировые суды, где склоняет тянувшихся к примирению. Иногда граф принимает участие в подследственных арестантах и вносит за них до суда залогов или берет на поручительство. При приведении в исполнение крестьянской реформы 1861 года, Толстой служил мировым посредником и, при разверстании угодий, всегда держал сторону крестьян в ущерб помещикам, чем вызвал неудовольствие, как владельцев, так и мирового института и принужден был оставить должность посредника.

В дальнейшем, деятельность его заключалась, как сказано выше, в склонении к миру в судах и принятии на себя обязанностей поручителя, так что сделанное автором статьи «Церковного Вестника» сообщение, что Толстой ведет и выигрывает неправые дела, представляется неверным. Благодаря своему толкованию заповеди «не судите», гр. Толстой смотрит на суды как на учреждения, несогласные с духом христианства, почему несколько лет тому назад отказался даже от исполнения обязанностей присяжного заседателя.

Что касается других, помещенных в статье, сведений, то еврей Исаак Фейнерман действительно жил около трех лет в сельце Ясная Поляна и в 1885 году принял православие; сначала он был учителем в местной школе, затем, будучи уволен с этой должности, занимался перепиской сочинений гр. Толстого и следовал во всем примеру последнего, т. е. толковал крестьянам Евангелие, пахал им землю и т. п., пока жена графа, заметив вредное влияние его на одного из своих сыновей, не настояла на удалении его из имения. В апреле 1887 года Фейнерман выехал из Ясной Поляны.

В 1886 году по Крапивенскому уезду, в продолжении двух недель, действительно ходили два книгоноши из крестьян с Ясной Поляны, Петр Егоров и Никита Минаев, разнесившие мелкие сочинения гр. Толстого: «Чем люди живы», «Дед Софрон», «Марья Кружевница», «Кавказский пленник», «Христос в гостях у мужика», «Бог правду видит, да не скоро скажет», но продали очень мало.

Затем в ноябре 1887 года были получены негласные сведения о том, будто бы гр. Толстой рассказывал некоему Митрофану Тимерину (запасный унтер-офицер, дважды привлекавшийся в качестве обвиняемого к делам политического характера), что в С.-Петербурге, среди лиц, близко стоящих ко Двору, существовал заговор на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, и что дело это «будет почище 1-го марта».

27 декабря того же года в г. Москве был обыскан и арестован по обвинению в преступной пропаганде среди рабочих кандидат Московского университета Михаил Н о в о с е л о в. По обыску у Новоселова, в числе прочего, обнаружено было несколько писем гр. Толстого, рукописная брошюра последнего возмутительного содержания под названием «Николай Палкин» и принадлежности гектографирования. На допросе по поводу указанной брошюры Новоселов объяснил, что получил ее лично от автора и, по желанию последнего, огектографировал брошюру в числе около 30 экземпляров, большую часть коих отдал графу, остальные же роздал разным лицам.

В виду того, что привлечение гр. Толстого к дознанию, по мнению бывшего Министра Внутренних Дел статс-секретаря гр. Толстого, вызвало бы нежелательные толки, и что брошюра была им, несомненно вне каких-либо преступных связей и намерений, а под влиянием лишь религиозного фанатизма, — с В Ы С О Ч А Й Ш Е Г О соизволения, следовавшего 14 января 1888 года, Московскому генерал-губернатору было предложено вызвать к себе гр. Толстого и, сделав ему должное внушение, предложить представить все имеющиеся у него на руках экземпляры этого сочинения.

Получив через управляющего канцеляриею генерал-губернатора приглашение прибыть к генерал-адъютанту князю Долгорукову, гр. Толстой отвечал, «что, несмотря на все свое уважение к последнему, он, к сожалению, не может исполнить его желания. Прибыть добровольно для объяснения по поводу каких бы то ни было своих сочинений не может по своим убеждениям, так как в подобном приглашении видит вторжение в свой духовный мир. Что касается до способов распространения своих сочинений, то единственно правильным признает тот, которого придерживался до настоящего времени, а именно — печатание своих произведений и представление их в цензуру. Разрешение или тайное содействие к распространению своих запрещенных сочинений он считает несогласным со своею совестью и своими религиозными принципами, причем в доказательство привел тот факт, что за последние два года к нему обращались из трех разных источников с предложением напечатать его запрещенные сочинения, но он безусловно отклонил все эти предложения и, в силу своих религиозных верований и понимания им соответствующих текстов Евангелия, будет действовать таким же образом и впредь». Что касается брошюры «Николай Палкин», то таковая, по словам графа, «представляет черновой набросок, вовсе не изготовленный для печати и не обработанный». Рассказ этот случайно переписан Новоселовым, и на письменное его предложение гектографировать этот рассказ он, гр. Толстой, насколько помнит, ничего не отвечал, как делает это всегда при подобных предложениях, считая себя не в праве, с одной стороны, скрывать высказанное, а с другой, каким-либо искусственным, скрытым способом распространять свои мысли. Гектографированных оттисков «Николая Палкина» он не только никогда не получал, но и не видел; распространение своих сочинений, при которых нужно прибегать к закрытости или обману, по принципу не одобряет и всегда отсоветывает прибегать к подобному способу тем, которые хотят распространять его сочинения.

В том же 1888 году были получены указания на переписку гр. Толстого со студентом Лесного института Федором Симоном, не скрывавшим от него своих революционных убеждений, а по показанию привлекавшегося в 1888 году к дознанию по делу о Московском революционном кружке мещанина Савельева, гр. Толстой, будто бы, принимал участие в делах тайного противоправительственного кружка (литераторы Златовратский, Пругавин и др.), руководившего пропагандою среди фабричного населения г. Москвы. К числу знакомых гр. Толстого, за тот же период времени, принадлежал и Николай Кочурихин, покушавшийся на жизнь Казанского губернатора. В бытность свою в Рыбинской гимназии, Кочурихин вошел в сношения с гр. Толстым и, по указанию последнего, познакомился с учителем Владимиром Орловым, личностью неблагонадежною в политическом отношении.

В конце 1891 года внимание Министерства Внутренних Дел было обращено на деятельность гр. Толстого и его семьи, по организации помощи пострадавшему от голода населению Тульской и Рязанской губерний. Первоначально ничего предосудительного в этой деятельности обнаружено не было, но затем получены были сведения, что в устроенных графом народных столовых, в Данковском и Епифанском уездах, раздаются книжки с его рассказами, хотя и разрешенные цензурою, но неудобными для обращения среди крестьян, в особенности же «Сказка об Иване дураке и его братьях Семене воине и Тарасе брюхане».

22 января 1892 года в газете «Московские Ведомости» появилось одно из писем, помещавшихся гр. Толстым в английской газете «Daily Telegraph» с описанием мер, принимавшихся для борьбы с последствиями неурожая, впечатлений автора при поведении пораженных голодом местностей, личной его деятельности по подаче помощи нуждающимся и причин, способствовавших, по его мнению, появлению этого народного бедствия.

Письмо это, озаглавленное «Почему русские крестьяне голодают» обратило на себя содержанием своим общее внимание всей читающей России. Рассматривая причины голода, гр. Толстой приходит к тому выводу, что таковые заключаются единственно в полной и самой беззастенчивой эксплуатации народа имущими классами, сравнивает усилия правительства и земств оказать помощь голодающим с попытками «грудного младенца выкормить грудью свою кормилицу» и «паразита — питать растение, на счет которого он сам живет и развивается». «Привилегированные классы, жиреющие и толстеющие от работы мозолистых рук народа, не могущие двинуть рукой или ногой без помощи народа, хлопчут и хотят его кормить», — восклицает автор и дает следующий ответ на занимающий его вопрос: «Народ голоден оттого, что мы гладки и едим до пресыщения» и «самый тупой из нас никак не может не видеть, почему народ голодает».

Указывая далее, что для лучшей эксплуатации рабочего народа правящие классы всегда держат рабочих в состоянии полуголода, и «что это наш излюбленный и единственный метод, заставить их гнуть свои шеи и рабски работать на нас», автор проводит ту мысль, что никакого другого взгляда на рабочего, мужика, — как только на рабочие руки, — не может быть у представителей имущих классов, почему и стремление интеллигенции оказывать помощь голодающим только искусственное. «Было бы гораздо проще, если бы мы все вместе раз и навсегда перестали разорять народ и хищнически пожирать все то, что он имеет и производит», — говорит Толстой и оканчивает письмо резким упреком имущим классам в возмутительной апатии к народному бедствию, которым некоторые даже воспользовались для своих эгоистических целей. В другом письме гр. Толстой задается вопросом о том, понимают ли крестьяне серьезность своего положения и необходимость «во время проснуться, и самим предпринять что-либо, ибо иначе они передохнут к весне, как пчелы без меда».

В докладе о сем в Бозе почившему ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было повелеть «оставить на этот раз поступок гр. Толстого без последствий».

Впечатление, произведенное опубликованием означенных писем, на читающую публику было однако настолько сильным, при том в неблагоприятном для их автора смысле, что гр. Толстой признал, по-видимому, необходимым оправдаться, хотя бы отчасти, в высказанных им положениях. Действительно, в «Русской Жизни» от 8 марта 1892 года помещено было следующее письмо на имя редакции, доставленное в последнюю супругою графа, графиней Софией Толстой:

«М. Г. Господин Редактор. В ответ на полученные мною от разных лиц письма с вопросами о том, действительно ли написаны и посланы мною в английские газеты

письма, из которых сделаны выписки в № 2 „Московских Ведомостей“, покорнейше прошу поместить следующее мое заявление.

Писем никаких я в английские газеты не писал. Выписка же, напечатанная мелким шрифтом и приписываемая мне, есть очень измененное (вследствие двукратного, сначала на английский, потом на русский язык, слишком вольного перевода) место из моей статьи еще в октябре отданной в Московский журнал и не напечатанной, и после того отданной, по обыкновению моему, в полное распоряжение иностранных переводчиков. Место же в статье „Московских Ведомостей“, напечатанное вслед за выпиской из перевода моей статьи крупным шрифтом и выдаваемое за выраженную мною, будто бы, во втором письме мысль о том, как должен поступить народ для избавления себя от голода, есть сплошной вымысел. В этом месте составитель статьи пользуется моими словами, употребленными в совершенно другом смысле, для выражения совершенно чуждой и противной моим убеждениям мысли. Лев Толстой. 22 февраля 1892 года».

Напечатание этого письма вызвало, однако, помещение в «Московских Ведомостях» переписки между гр. Толстым и корреспондентом газеты «DailyTelegraph» Диллоном, из содержания коей, несомненно, явствует, что статьи «о голоде», напечатанные в названное газете, были помещены в ней с согласия гр. Толстого и по его желанию.

В феврале же месяце 1892 года были получены сведения, что гр. Толстой, вместе с землевладельцем Владимиром Чертковым, стали во главе кружка, стремящегося, будто бы, постепенно подорвать в народном сознании начала Православной Церкви и, путем распространения сектантства, вообще, и штунды в особенности, подготовить вновь образованные рационалистические толки к восприятию проповеди христианского социализма. Под влиянием этого кружка, будто бы, совершенно поднял представитель Московской издательской фирмы Сытин, причем для редакции народных книг вызван из Женевы последователь Толстого Павел Иванов Бирюков, ездивший за границу для приготовления к печати нецензурных сочинений Толстого. Сведения эти заслуживали тем большего внимания, что незадолго перед тем Толстой сблизился с такими литераторами-народниками, как Михайловский, Успенский и Станюкович.

В 1894 году получены были указания, что гр. Толстой, проживая летом в Ясной Поляне, продолжает находиться в близких отношениях с крестьянами, поддерживает разными способами обвиняемых в уголовных преступлениях и лично работою помогает бедным в пахоте, севе и других крестьянских работах, выбирая для сего исключительно праздничные дни. В исключительных случаях он оказывает крестьянам и денежную помощь, как например, при пожаре в селе Потемкине в 1893 году, когда им было выдано каждой погорельческой семье до 20 рублей. Влияние его на окрестных жителей весьма заметно, и хотя он не ведет открыто пропаганды своих учений, но холодность к религии яснополянских крестьян начинает уже обращать на себя внимание.

В конце 1894 года при возвращении в Россию, задержан был студент Цюрихского университета мещанин Антон Васильев, в бытность свою за границею принимавший серьезное участие в деятельности эмигрантов-революционеров социал-демократической фракции. Из данных им показаний, между прочим, усматривается, что в 1893 году, перед тайным отъездом за границу, он дважды проживал у гр. Толстого в «Ясной Поляне». Будучи содержим под арестом в Киеве, Васильев обратился к гр. Толстому с письменною просьбою посодействовать к скорейшему окончанию производившегося о нем дела; в ответном письме граф Толстой сообщает, что «очень бы желал, чем может, облегчить его положение».

Наконец, в 1895 году были получены агентурным путем указания на то, что гр. Толстой состоит в числе лиц, значащихся платными подписчиками издаваемых «Лондонским Фондом вольной русской прессы» революционных листовок (л. д. 1—8 об).